

ЛУЧШИЕ ИСТОРИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ОТ КУЛЬТОВЫХ АВТОРОВ,
ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СТАЛИ КЛАССИКОЙ

Ричард Остин Фримен — британский писатель, автор более 20 романов и 30 рассказов. Главный персонаж его произведений доктор Торндайк завоевал сердца читателей своей невероятной харизмой и нестандартными методами раскрытия преступлений. Его сравнивали с легендарным Шерлоком Холмсом. Истории о приключениях эксперта-криминалиста Торндайка неоднократно экранизировались. В знаменитом сериале "Соперники Шерлока Холмса" персонажу Фримена даже посвящено несколько эпизодов.

Люди не исчезают просто так. Особенно известные археологи. Сыщик доктор Торндайк уверен, что за исчезновением знаменитого британского знатока древностей мистера Джона Беллингэма кто-то стоит. Накануне археолог вернулся из Египта. И не с пустыми руками. Беллингэм привез с собой очень ценную коллекцию древних артефактов, среди которых была древняя мумия. И вскоре исчез... Что это? Действие проклятия фараонов или банальная человеческая алчность? Доктор Торндайк не верит в случайности и начинает опасное расследование, которое приводит к совершенно неожиданной развязке...

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4727-7

9 786171 247277

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6289-8

9 786171 262898

РИЧАРД ФРИМЕН

ОКО ОЗИРИСА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

РИЧАРД
ФРИМЕН

ОКО ОЗИРИСА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

РИЧАРД
ФРИМЕН

ОКО ОЗИРИСА

Роман

УДК 821.111
Ф88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Фримен Р. Око Озириса : роман / Пер. с англ. —
М. : Мир книги, Литература, 2011. — 208 с.

Перевод с английского:

Борис Акимов («Око Озириса»),
Петр Моисеев («Красный отпечаток большого пальца»)

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)
ISBN 978-617-12-6289-8

- © Depositphotos.com / LordG112, eleanor, gusp, kaisorn4, обложка, 2019
- © Б. С. Акимов, перевод на русский язык, 2019
- © П. А. Моисеев, перевод на русский язык, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

ОКО ОЗИРИСА

ГЛАВА 1

Исчезнувший человек

Своим преподавателем судебной медицины и токсикологии колледж при больнице Святой Маргариты мог по праву гордиться. Джон Ивлин Торндайк был не только энтузиастом и ученым с глубокими знаниями и отличной репутацией, но и талантливым учителем, поражавшим своим блестящим педагогическим стилем и необъятной эрудицией. Он как на ладони раскладывал перед нами, студентами, каждый любопытный казус, о котором говорил, и умело извлекал важные выводы из любого факта, имевшего судебно-медицинское значение, к какой бы области он ни относился: химии, физике, биологии, истории. Один из его любимых приемов с целью придания жизненности и интереса какому-нибудь скучноватому вопросу состоял в том, чтобы проанализировать современные газетные публикации. Именно поэтому я и окунулся в целое море удивительных событий, которым суждено было оказать огромное влияние на мою жизнь.

Лекция, которая только что закончилась, была посвящена вопросу нахождения человека в живых в определенное время. Многие студенты уже покинули аудиторию, а оставшиеся окружили столик преподавателя, чтобы послушать его дополнительные комментарии. Доктор Торндайк любил делать их в легкой непринужденной форме, прислонившись к столу и обращая свои замечания к кусочку мела, который держал в руке.

— Проблема нахождения в живых, — сказал он, отвечая на вопрос одного студента, — возникает в тех случаях, когда все заинтересованные стороны стремятся разрешить ее, но факт

и время смерти жертвы по каким-то причинам невозможно установить. Затруднения возникают и в тех случаях, когда одна из сторон уклоняется от участия в расследовании, а факт смерти констатируется лишь на основании косвенных данных.

Главное здесь — последний момент, когда человек заведомо был жив. И тогда приходится учитывать детали самые тривиальные, как будто даже вовсе незначительные. Вот, допустим, случай из сегодняшней утренней газеты; он иллюстрирует мою мысль. Некий джентльмен исчез при довольно таинственных обстоятельствах. В последний раз его видела экономка его родственника, к которому он заходил. Теперь, если этот джентльмен нигде не обнаружится, неважно — живой или мертвый, то вопрос о последнем моменте его жизни окажется тесно связанным с другой проблемой: была ли при нем, когда он явился к родственнику, одна ценная вещица, случайно найденная позже?

Торндайк прервался, задумчиво уставившись на кусочек мела, который по-прежнему сжимал в пальцах. Заметив живой интерес, с каким мы смотрели на своего преподавателя в ожидании дальнейших разъяснений, он продолжал:

— Обстоятельства этого дела крайне любопытны и загадочны. И если начнется следствие, ему придется распутывать сложный клубок. Исчезнувший господин — мистер Джон Беллингэм, хорошо известный в археологических кругах. Недавно он вернулся из Египта с ценной коллекцией древностей — некоторые из них он, кстати, пожертвовал Британскому музею, и они уже экспонируются. После этого он, кажется, отправился в Париж по своим делам. Дар его состоял из редкой мумии и погребальной утвари. Ее еще не доставили из Египта, когда Беллингэм поехал во Францию, а мумию четырнадцатого октября видели в доме коллекционера доктор Норбери, представитель музея, и Артур Джеллико, поверенный жертвователя. Последнему поручили проследить, чтобы футляр с мумией и прочие артефакты доставили в Британский музей, что Джеллико и выполнил.

Из Парижа Джон Беллингэм вернулся, по-видимому, двадцать третьего ноября и прямо с вокзала отправился к своему

родственнику, некоему мистеру Джорджу Хёрсту, холостяку, проживающему в Элтеме. В его квартиру он прибыл в пять часов двадцать минут пополудни. Хёрст еще не возвратился из города и должен был появиться примерно через полчаса. Беллингэм назвал себя, сказал, что подождет хозяина в его кабинете и напишет несколько писем. Экономка провела его, усадила за стол, показала письменные принадлежности и оставила одного.

Без четверти шесть мистер Хёрст отпер парадный вход своим ключом и, прежде чем экономка успела ему что-либо сообщить, проследовал в кабинет и затворил за собой дверь.

В шесть часов, когда позвонили к обеду, Хёрст вошел в столовую и, увидев, что приготовлено два прибора, спросил, для кого второй.

«Я думала, сэр, что мистер Беллингэм останется обедать», — пояснила экономка.

«Мистер Беллингэм? — удивился хозяин. — Я не знал, что он приходил. Почему мне не сказали?»

«Я полагала, сэр, что вы вместе беседуете в кабинете», — стала оправдываться женщина.

Принялись искать гостя, но его нигде не было. Он исчез бесследно, и — что особенно странно — экономка уверяла: он не мог выйти через парадную дверь. Они со служанкой долго стряпали на кухне, откуда калитка отлично видна, а потом экономка хлопотала в столовой, как раз напротив кабинета, и, конечно, заметила бы уход посетителя. В кабинете есть балкон, обращенный на небольшую лужайку недалеко от боковой калитки в переулок. Но неужели почтенный мистер Беллингэм, человек пожилой, вышагнул из дома через балконную дверь? Он же не мальчишка-сорванец? Тайна, покрытая мраком.

Наскоро пообедав, мистер Хёрст поехал в контору адвоката Беллингэма — Артура Джеллико и рассказал ему о странных обстоятельствах. Тот не знал о возвращении своего клиента из Парижа, и, побеседовав, они поездом отправились в Вудфорд, графство Эссекс, где жил брат египтолога, Годфри Беллингэм. Служанка впустила их и сказала, что хозяина нет дома, а его дочь в библиотеке — флигеле, расположенном в саду позади дома. Там джентльмены застали не только мисс Беллингэм, но и ее

отца, который, оказывается, уже вернулся и незаметно вошел в библиотеку через калитку позади усадьбы.

Мистер Годфри и его дочь с удивлением выслушали от Хёрста неожиданную новость и заверили, что не видели Джона Беллингэма и ничего о нем не слышали, после чего все четверо направились в дом. В нескольких шагах от входа в библиотеку мистер Джеллико заметил в траве какую-то вещицу. Хозяин поднял ее, и присутствующие узнали в ней скарабея, которого египтолог обычно носил на цепочке от часов в качестве украшения — наподобие брелока.

Ошибка исключена: это настоящий, подлинный скарабей эпохи XVIII династии, изготовленный из лазурита, с изображением Аменхотепа III. В фигурке священного жука имелось отверстие, куда вправлялось тонкое золотое колечко, с помощью которого брелок-амулет надевался на цепочку, и это колечко, сломанное, валялось тут же. находка усилила таинственность инцидента, особенно когда в багажном отделении вокзала Чаринг-Кросс обнаружили чемодан с вензелем Д. Б. — инициалами хозяина. В регистрационной книге указывалось, что багаж сдан двадцать третьего ноября около времени прибытия континентального экспресса, после чего владелец чемодана, похоже, поехал налегке прямо в Элтем.

Вот такие дела, — подвел итог Торндайк, оглядывая студентов, — если исчезнувший джентльмен не появится и тело его не найдут, понадобится установить время, когда этого человека видели живым в последний раз. Что касается места, тут относительная ясность, и на этом мы не будем заострять внимания. Вопрос о времени куда важнее. Я уже говорил сегодня на лекции: случилось, что доказанный факт нахождения человека в живых в определенное время обеспечивал претендентам законное вступление в права наследства.

Что же получается? Египтолога в последний раз видели в квартире мистера Хёрста двадцать третьего ноября в пять часов двадцать минут. Но, как выяснилось, он посетил и дом своего брата в Вудфорде. Там его никто не заметил, поэтому сейчас неизвестно, был он там *до* или *после* своего визита к Хёрсту. Если он заезжал к брату раньше, чем к Хёрсту, значит, двад-

цать третье ноября пять часов двадцать минут — последний момент, когда Беллингэм доподлинно был жив. Но если ученый навещал брата позже, то к указанному времени надо прибавить кратчайший срок, в который мистер Джон успел бы добраться из квартиры Хёрста в Элтеме в дом своего брата в Вудфорде. Тут мы и осознаем всю важность скарабея. Если он находился при Беллингэме, когда тот пожаловал к Хёрсту, нет сомнений: у Хёрста египтолог побывал раньше; если же скарабея при нем не было, значит, сперва он заезжал к брату в Вудфорд. Как видите, решение вопроса о допущении к правам наследства зависит от того, заметила экономка Хёрста у гостя цепочку со скарабеем или нет. А ведь, на первый взгляд, это не слишком значимый факт.

— Экономку допросили, сэр? — любопытствовал я.

— Судя по всему, нет, — ответил доктор Торндайк, — во всяком случае, в газете об этом не говорится, хотя статья подробная, в ней обилие всяких деталей, приведены даже планы обоих домов — в общем, она представляет большой интерес.

— В каком отношении, сэр? — задал вопрос один из студентов.

— Подумайте и обсудите. Я пока воздержусь от комментариев: мотивы поступков других людей — всегда загадка, и с ними надо обращаться осторожнее.

— В газете есть описание внешности пропавшего мужчины? — спросил я преподавателя.

— Да, причем исчерпывающее, настолько подробное, что я счел его некорректным, ведь мистер Беллингэм может оказаться живым и в самый неподходящий момент выступить на сцену. Между прочим, сообщается, что на груди у него татуировка — искусное изображение символического Ока Озириса, или Горуса (Гора), или Ра, как думают некоторые эксперты. Одним словом, найдись тело — опознать его не составит труда. Будем, однако, надеяться, что до этого не дойдет. А теперь мне пора, да и вам тоже. Купите этот номер газеты и внимательно ознакомьтесь с подробностями дела. Уверяю, данный инцидент крайне любопытен, и почти не сомневаюсь: мы о нем еще услышим. До свидания, господа!

По совету доктора Торндайка мы сейчас же всей гурьбой бросились к ближайшему газетчику, купили пачку экземпляров «Дейли телеграф» и задержались в лекционной аудитории, чтобы прочесть публикацию и обсудить все подробности, не особенно заботясь о деликатных моментах, которые так смутили нашего щепетильного учителя.

ГЛАВА 2

Подслушанный разговор

Правила хорошего тона требуют, чтобы воспитанные люди, знакомясь, называли свое имя. Поэтому представлюсь читателям: я — Поль Барклей, недавно получил степень бакалавра медицины и ныне занимаюсь врачебной практикой.

Однажды я замещал Дика Бернарда, в прошлом тоже выпускника колледжа при больнице Святой Маргариты; Дик долго болел, а потом отправился в морской круиз поправлять здоровье. Мне предстояло ехать в Невиль-корт к пациенту, проживавшему в доме номер сорок девять. Я понятия не имел, что это за местечко, и удивился, увидев множество симпатичных маленьких домиков, утопавших в залитой солнцем зеленой аллее. Я так залюбовался на эту красоту, что опомнился только когда потянул за шнурок дверного звонка. В тот же миг я увидел пониже табличку с надписью «Мисс Оман».

Дверь распахнулась, и низкорослая дама средних лет внимательно оглядела меня.

— Я, кажется, не туда попал? — пробормотал я, и прозвучало это, признаться, довольно глупо.

— Мне трудно вам ответить, — сухо произнесла женщина. — Мужчины нередко попадают не туда. Явятся, а потом сожалеют.

— Я вовсе не сожалею, — возразил я. — Одно то, что мне выпала честь познакомиться с вами...

— Что вам угодно? — прервала меня она.

— Видеть мистера Беллингэма.

— Вы — доктор?

— Да, именно.

— Поднимайтесь за мной. Только осторожно, тут окрашено.

Я пересек просторный холл и вслед за своей провожатой поднялся по крепкой дубовой лестнице, аккуратно ступая по узкой ковровой дорожке, расстеленной посередине ступенек. Когда мы очутились на втором этаже, мисс Оман отворила дверь и указала внутрь комнаты:

— Входите и подождите, пожалуйста. Я скажу ей, что вы здесь.

— Кому *ей*? — удивился я. — Я ведь объяснил: мне нужен мистер Беллингэм... — начал я, но дверь захлопнулась, и мисс Оман торопливо зашагала вниз по лестнице.

Я почувствовал себя неловко, потому что, хотя дверь была закрыта, из соседнего помещения до меня донесся разговор. Точнее, сначала я уловил только глухие звуки, потом отдельные фразы, и наконец кто-то сердито и властно произнес:

— Понятно, я все заранее предвидел и повторяю: это заговор! Мошенничество! Вот куда дело катится! Вы хотите обобрать меня!

— Что за выдумки, Годфри? — раздался спокойный уверенный голос.

Я принужденно закашлял и задвигал стулом по полу. Беседа за стеной продолжалась, правда, уже тише, и разобрать слов я не мог, в конце, однако, сердитый человек раздраженно крикнул:

— По какому праву вы меня обвиняете?! Вы намекаете, будто это я прикончил его!

— Вовсе нет, — услышался ответ. — Но ваше дело установить, что с ним произошло. Ответственность за это лежит на вас.

— На мне?! — взвизгнул первый голос. — А почему не на вас? Ваше положеньеце, если уж на то пошло, весьма щекотливое.

— Что?! — прогремел другой голос. — Вы утверждаете, что я убил своего брата?

Пока длился этот странный разговор, я растерянно стоял посреди комнаты, не зная, что делать, потом опустил в кресло

и заткнул пальцами уши. Несколько минут я просидел в такой позе, когда внезапно услышал, как позади меня хлопнула дверь.

Я вскочил и смущенно обернулся (думаю, выглядел я в тот момент довольно смешно): передо мной стояла молодая, высокая, очень красивая девушка в темном платье. С достоинством, но холодно поклонившись мне, она промолвила:

— Извините, что вам пришлось ждать.

Мне показалось, что в уголках ее рта промелькнула ироничная улыбка, и я окончательно стушевался, вспомнив, в каком неловком положении меня застала эта особа. Я промямлил, что это не имеет значения, и начал расспрашивать ее о состоянии больного, как вдруг из соседней комнаты опять послышался резкий голос:

— Я не желаю даже слушать об этом! Черт возьми, да тут и вправду настоящий заговор!

Мисс Беллингэм — я понял, что это была она, — густо покраснела и, сдвинув брови, сделала несколько шагов к двери. В ту же секунду оттуда выскочил немолодой, щеголевато одетый мужчина среднего роста.

— Руфь! — воскликнул он. — Ваш отец с ума сошел! И впредь я отказываюсь общаться с ним.

— Вы сами приехали сюда. Он вас не приглашал, — холодно парировала мисс Беллингэм.

— Вот как?! — обиделся собеседник. — Я поступил так из великодушия, которое, к моему прискорбию, никто не оценил. Я старался сделать как лучше, но теперь умываю руки. Не надо провожать меня — я знаю дорогу. Прощайте!

Он покосился на меня, манерно поклонился девушке и выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

— Извините нас за такой прием, — усмехнулась мисс Беллингэм. — Но вы — врач, вас, наверное, трудно чем-либо удивить. Пойдемте к пациенту. — Она открыла дверь, и я вошел в смежную комнату. — Вот новый посетитель, — сказала она кому-то. — Доктор...

— Барклей, — быстро добавил я. — Временно замещаю своего друга, доктора Бернарда.

Больной, симпатичной наружности мужчина лет пятидесяти пяти, сидел на постели, обложенный грудой подушек. Он протянул мне дрожащие пальцы, и мы обменялись слабым рукопожатием.

— Здравствуйте, сэр, — вяло произнес мистер Беллингэм. — Надеюсь, доктор Барнард в добром здравии?

— В общем, да, — уклончиво ответил я, — он отдыхает на Средиземном море. — Мы перебросились еще парой фраз, после чего я приступил к делу и спросил пациента: — Давно вы хвораете?

— Сегодня — тому ровно неделя, — сказал он. — *Fons et origo mali*¹ — кабриолет, опрокинувший меня посреди улицы напротив здания суда. Виноват, конечно, я сам, но мне от этого не легче.

— Вы сильно ушиблись?

— Нет, но повредил колено и испытал общее потрясение. Я ведь уже стар для таких передряг.

— Это случается со многими людьми.

— Не спорю, но в двадцать лет перенести подобную неприятность гораздо легче, чем в пятьдесят пять. Впрочем, колено, кажется, заживает — вы сами убедитесь, что я двигаю им свободно. Гораздо хуже — мои нервы. Я зол и раздражителен, как черт, и по ночам не могу нормально спать.

Мне вновь бросилась в глаза его дрожащая рука, и я удивился: неужели он изрядно выпивает? Не похоже...

— Вы много курите? — тактично осведомился я.

Он хитро взглянул на меня и усмехнулся:

— Вам не отказать в деликатности, доктор. Нет, я мало курю. Я сразу заметил, что вы разглядываете мою руку. Да, она дрожит, ничего удивительного. И вы, врач, обязаны обратить на это внимание. Впрочем, такое состояние мне несвойственно, если я не взволнован. Но малейшее нервное возбуждение — и моя рука начинает трястись, как желе. А я только что имел неприятную беседу...

— По-моему, — вмешалась мисс Беллингэм, — теперь не только доктор Барклей, но и все соседи знают об этом.

¹ Источник и начало зла. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мистер Беллингэм сконфузился:

— Да, признаю, я дал волю своему темпераменту. Я слишком импульсивный старик, доктор, и, когда выйду из себя, веду себя подчас несдержанно.

— И чересчур громко, — добавила его дочь. — Доктор Барклей был вынужден заткнуть себе уши. — При этих словах девушка взглянула на меня, и какая-то искорка блеснула в ее грустных серых глазах.

— Мне жаль, дорогая, — примирительно произнес мистер Беллингэм, — обещаю: больше такое не повторится. Надеюсь, нашего сегодняшнего «гостя» мы видели в последний раз.

— Хочется в это верить, — покачала головой мисс Беллингэм. — Ладно, не буду вам мешать. Если понадобится, я в соседней комнате.

— Кабриолет, — заговорил мистер Беллингэм, как только его дочь вышла, — стал последней каплей. Он довершил то, что уже давно готовилось. За последние два года я испытал кучу всяких бедствий. Но не собираюсь надоедать вам подробностями своих личных трудностей.

— Меня интересует лишь то, что имеет прямое отношение к состоянию вашего здоровья, если, конечно, вы не сочтете нужным о чем-либо умолчать, — ответил я.

— Умолчать! — усмехнулся он. — Да все больные только и рады болтать о своих недугах! Но нравится ли это врачам?

— Я всегда внимательно слушаю своих пациентов.

— Ладно, — кивнул мистер Беллингэм, — я кое-что расскажу вам. Однажды ночью, около двух лет назад, я отошел ко сну состоятельным джентльменом с прекрасными видами на будущее, а утром проснулся почти нищим. Как вам такая перемена? Тем более в моем возрасте?!

— Это неприятно в любом возрасте, — вставил я.

— В тот самый день, — продолжал он, — я потерял своего единственного брата, с которым был очень дружен. Он пропал неизвестно куда, да вы, вероятно, слышали: газетчики разносили об этом по всему свету.

Он вдруг покраснел, и я внезапно все понял. Еще когда я вошел в этот дом, в моей голове слабо звучала какая-то струна па-

мяти, а рассказ пациента воскресил мои воспоминания о загадочном исчезновении Джона Беллингэма.

— Да, — подтвердил я, — припоминаю тот случай; о нем говорил на лекции наш преподаватель судебной медицины.

— Неужели? — удивился Беллингэм. — Что же он сказал?

— По его мнению, данный инцидент чреват многими юридическими осложнениями.

— Клянусь Юпитером, — приподнялся на своем ложе Беллингэм, — ваш наставник — пророк! Юридические осложнения? Да, их предостаточно! Но ручаюсь, даже ваш учитель не мог предвидеть, какой адский узел завяжется вокруг этого происшествия. Кстати, как зовут преподавателя?

— Доктор Джон Торндайк, — сообщил я с гордостью.

— Торндайк, — задумчиво повторил Беллингэм. — Я как будто слышал это имя. Ах да, о нем говорил мой друг мистер Марчмонт, юрист. Он упоминал Торндайка в связи с таинственным исчезновением некого Джеффри Блэкмора. Так вот, именно ваш учитель блестяще распутал это дело.

— Рискну предположить, что случай с вашим братом тоже заинтересовал мистера Торндайка, — заметил я.

— Не спорю, — последовал ответ, — но никто не вправе отнимать время у профессионала, а заплатить ему я не в состоянии. Кстати, я и вас, наверное, отвлекаю болтовней о своих проблемах.

— Не беспокойтесь, — заверил я его, — у меня сегодня мало визитов к пациентам, а ваше дело влечет меня еще со студенческой скамьи. Я покажусь слишком бестактным, если задам вопрос о характере юридических осложнений?

— Я мог бы поведать вам о них во всех подробностях, но тогда вам придется задержаться здесь до ночи, и домой вы вернетесь в полубезумном состоянии. К чему такие волнения? Сообщу вкратце: неприятности возникли в связи с завещанием Джона. Во-первых, оно не подлежит исполнению, поскольку факт смерти завещателя не доказан; во-вторых, даже если бы документ и утвердили, то все имущество моего брата перешло бы к людям, которых он вовсе не стремился облагодетельствовать. Я пришел к выводу, что завещание — дьявольски

нелепый документ, составленный извращенно изобретательным упрямым. Вот и все. Так вы осмотрите мне колено?

Мистер Беллингэм так сильно встревожился, повествуя о своем деле, что в конце перешел едва ли не на крик; лицо его покраснело, руки задрожали. Я поспешил прервать беседу, осмотрел колено, которое и вправду выглядело почти здоровым, выписал необходимые рецепты и стал прощаться.

— Вам нельзя волноваться, — сказал я, пожимая ему руку, — и никакого табака. Старайтесь жить спокойной, размеренной жизнью.

— Все это хорошо в теории, — проворчал он, — а если сюда и дальше будут приходить посторонние типы и выводить меня из себя?

— Не обращайтесь на них внимания, — посоветовал я и откланялся, взглянув перед уходом в соседнюю комнату.

Мисс Беллингэм сидела за столом с разложенными записными книжками в синих обложках. Две из них были открыты, и я заметил, что страницы убористо исписаны мелким, но разборчивым почерком. Когда я вошел, она поднялась и вопросительно посмотрела на меня.

— Я рекомендую вашему отцу какое-нибудь легкое чтение как средство против чрезмерного умственного возбуждения, — произнес я.

Она слабо улыбнулась:

— Конечно, это было бы неплохо. Что-нибудь еще?

— Да, нужно поддерживать его в бодром, веселом настроении и ограждать от забот и волнений, хотя, наверное, это трудно исполнимо.

— Увы, — покачала она головой, — людям в нашем положении не до веселья. Однако я согласна: нельзя распускать себя, как не надо и создавать себе лишних хлопот, которых и без того хватает. Вам трудно меня понять...

— Мне жаль, что я не могу вам помочь, но искренне надеюсь, что дела вашего отца скоро поправятся.

Она поблагодарила меня за визит, проводила до калитки, мы кивнули друг другу и простились с холодным рукопожатием.

ГЛАВА 3

Джон Торндайк

В один жаркий день в поисках тени и тишины я забрел в переулки старого Темпла и вдруг столкнулся лицом к лицу со своим товарищем по колледжу Джервисом, позади которого, глядя на меня со спокойной улыбкой, стоял не кто иной, как наш бывший преподаватель — доктор Джон Торндайк. Оба тепло меня поприветствовали, чему я весьма обрадовался, ведь Торндайк считался в нашем городе знаменитостью.

— Предлагаю выпить по чашке чаю у меня дома, — сказал Торндайк и, так как я охотно согласился, взял меня под руку; мы пересекли двор и медленно направились к зданию казначейства. — Не хотите оставить врачебную практику и тоже попробовать себя на юридическом поприще? — неожиданно спросил меня Торндайк.

— А что, Джервис, разве ты стал юристом? — воскликнул я не без удивления.

— Вот именно, черт возьми, — недовольно буркнул тот. — И теперь подвигаюсь при докторе Торндайке.

— Не слушайте его, Барклей, — вмешался Торндайк. — Он — мозг нашей фирмы, а я лишь придаю ей респектабельность и моральный вес. А вы чем занимаетесь?

— В данное время замещаю Бернарда. У него практика на Феттер-лейн.

— Да, я наслышан, — кивнул Торндайк. — Мы иногда встречаемся. Он плоховато выглядел в последнее время. Наверное, взял отпуск?

— Да, и отправился в круиз.

— Стало быть, в его отсутствие ты — главный районный врач? — уточнил Джервис. — Заважничал, наверное?

— Ничуть, да и практика у меня не такая уж обширная — район-то маленький. Я навещаю нескольких пациентов, хотя тут и амбулатория рядом. Кстати, хочу поведать вам об одном странном совпадении. По-моему, оно вас заинтересует. Вы, доктор, два года назад говорили нам на лекции в колледже об

исчезновении египтолога Джона Беллингэма при весьма таинственных обстоятельствах. Помните?

— Конечно, отлично помню. И что?

— Его брат — мой пациент. Недавно я ездил к нему в Невиль-корт; он живет с дочерью, и, по-моему, оба бедны, как церковные крысы.

— Вот как? — удивился Торндайк. — Любопытно. Они, видно, потеряли все свое состояние. У брата пропавшего Беллингэма ведь когда-то был собственный большой особняк...

— Какая у вас отличная память! — восхитился я своим учителем.

— А ты как думал! — воскликнул Джервис. — Доктор Торндайк напоминает мне судебно-медицинского верблюда. Глощает кучу фактов из газет и прочих источников, а потом часами с удовольствием пережевывает их. Замечательная привычка! Журналисты быстро забывают, о чем писали, а доктор Торндайк — никогда. Проходит год или два, и старое дело опять всплывает наружу. Тут-то, к нашему величайшему изумлению, и оказывается, что мистер Торндайк уже успел разобрать весь инцидент по косточкам. Еще бы! Ведь не зря все это время он пережевывал свою жвачку!

— Как видите, — улыбнулся мне Торндайк, — мой ученый собрат обожает сравнения и метафоры. Хотя они у него и туманные, по существу он прав. Давайте выпьем чаю, и вы подробнее расскажете нам о Беллингэмах.

Продолжая беседовать, мы подошли к дому, где жил Торндайк. В его просторной гостиной, стены которой украшали деревянные панели, мы застали расставлявшего на столе чайные чашки мужчину невысокого роста в аккуратном черном костюме. На слугу этот незнакомец не походил, а в его внешности и манерах замечалось что-то противоречивое. Спокойствие, выдержанность, серьезное умное лицо выдавали в нем человека интеллигентной профессии, но ловкие, проворные руки обличали умелого камердинера.

Торндайк быстро взглянул на поднос с чашками и воскликнул:

— Вы поставили три чашки, Полтон, это удивительно! Как вы догадались, что я приведу к чаю гостей?

Невысокий мужчина улыбнулся и как-то странно поморщился:

— Я случайно выглянул из окна лаборатории как раз в тот момент, когда вы, доктор, повернули за угол.

— Как все просто! — усмехнулся Джервис. — А мы полагаем, что тут замешана чуть ли не телепатия.

— Простота — основа совершенства, сэр, — строго заметил Полтон, заканчивая сервировать стол, и моментально исчез.

— Что ж, вернемся к делу Беллингэма, — вздохнул Торндайк, разлив чай по чашкам. — У вас есть какие-нибудь интересные факты, касающиеся участников той истории? — обратился он ко мне. — Если, конечно, это не врачебная тайна...

— Две-три вещи могу сообщить со спокойной совестью, не причиняя никому вреда, — ответил я. — Годфри Беллингэм, мой пациент, внезапно потерял все свое состояние, и случилось это примерно в то время, когда пропал его брат.

— Странно, — покачал головой Торндайк. — Почему Годфри вдруг обеднел? Вероятно, он регулярно получал от брата денежное вспомоществование?

— Не думаю, но и спорить не берусь. По-моему, причина бед — юридическая путаница. Это касается завещания, с которым возникла куча неприятностей и хлопот.

— Добиться утверждения завещания Годфри сейчас не сможет, — заверил Торндайк, — ведь несомненных доказательств смерти его брата не имеется, не так ли?

— Да, и это лишь первое из затруднений. Другое заключается в том, что в тексте завещания обнаружился некий роковой дефект. Какой конкретно, пока не знаю, но надеюсь рано или поздно выведать. Кстати, я упомянул мистеру Годфри о том, что вы, мистер Торндайк, интересуетесь этим делом, и мне кажется, что бедняга не прочь бы посоветоваться с вами, но у него нет денег.

— Это его слабое место, особенно если у других заинтересованных лиц денег достаточно. Судебная процедура требует затрат, и закон не считается с финансовыми проблемами сторон. Да, ваш пациент, Барклей, и впрямь в незавидном положении. Ему жизненно необходима консультация. Богаделен для

неимущих истцов не существует, и только граждане со средствами способны позволить себе обращаться в суд. Конечно, мы могли бы помочь, но для этого надо хорошо знать и мистера Годфри, и все нюансы тяжбы. Ведь он, не дай бог, отъявленный негодяй?

Я вспомнил странный разговор, случайно подслушанный в комнатах Беллингэма, но считал себя не вправе рассказывать об этом, а ограничился общим замечанием:

— Он не похож на негодяя, но это мое мнение. На меня он произвел скорее благоприятное впечатление, в отличие от другого господина...

— Какого другого? — оживился Торндайк.

— Есть еще один человек, имеющий отношение к делу, но я забыл его имя. Я видел его там, в доме, и мне он совсем не понравился. По-моему, он хочет к чему-то принудить Беллингэма.

— Барклей, ты что-то от нас утаиваешь, — недоверчиво произнес Джервис. — Посмотрим в газетах, кто этот незнакомец. — Он взял с полки объемистую кипу материалов, разложил их на столе и принялся водить пальцем по указателю. — Доктор Торндайк, — пояснил он, — по крупницам собирает все факты, из которых можно извлечь пользу, и надеется, что рано или поздно голова пропавшего египтолога отыщется в какой-нибудь мусорной яме... Ага, вот, нашел! Имя другого господина — Хёрст. Он, похоже, двоюродный брат исчезнувшего; в его квартире в Элтеме в последний раз видели Джона Беллингэма живым.

— Вы думаете, Хёрст в чем-то замешан? — нахмурился Торндайк, выслушав Джервиса.

— У меня есть подозрения на этот счет, — замылся я, — но определенно утверждать не могу.

— Вот что, — перебил меня Торндайк, — нам с Джервисом очень интересно, как продвигается процесс Беллингэма. И если мистери Годфри понадобится мое неофициальное мнение, я не откажусь его высказать — ничего плохого в этом не вижу.

— Конечно, ваши советы будут ценны для него, тем более что другие участники тяжбы наверняка уже нашли себе адвока-

тов, — заверил я Торндайка и после небольшой паузы спросил: — А вы много размышляли над этим инцидентом?

— Нет, — задумчиво ответил он. — Однако я обратил на него внимание, когда в газетах появились первые публикации. Джервис прав: у меня выработалась привычка пользоваться любой свободной минутой, например, пока еду в поезде, для построения разных версий и теорий, способных пролить свет на какие-нибудь факты в тех запутанных делах, что попадают мне под руку.

— Значит, теория, объясняющая факт исчезновения Беллингэма, у вас тоже имеется?

— Даже несколько, и одна из них весьма правдоподобная. Вот почему я с нетерпением жду новых фактов, чтобы проверить свои умозаключения.

— Не пытайся что-нибудь выведать у доктора, — предупредил меня Джервис. — Мистер Торндайк снабжен неким клапаном одностороннего действия: внутрь ты можешь вливать любую информацию, но обратного хода до поры до времени не получишь.

— Мой ученый собрат прав, — улыбнулся Торндайк. — Сами посудите, Барклею, в каком глупейшем положении я окажусь, если заранее во всех подробностях выскажу свое мнение о деле Беллингэма. Но мне любопытно ваше мнение, почерпнутое из газет.

— Ну вот! — воскликнул Джервис. — Я же говорил тебе: доктор хочет высосать наши мозги!

— Мои мозги, Джервис, — сухо возразил я, — высасывать бесполезно. С удовольствием отказываюсь в твою пользу. Ты — адвокат в полном расцвете сил, а я всего-навсего районный врач.

Джервис тщательно набил трубку, закурил, затем выпустил тонкую струйку дыма и нехотя произнес:

— У меня нет прочного мнения по поводу исчезновения Беллингэма. Нет, и все тут. Любая догадка заводит меня в тупик.

— Бросьте, мой друг, — ухмыльнулся Торндайк, — вам просто лень объяснять, а Барклею непременно хочется оценить вашу проницательность. Но адвокат иногда и сам пребывает как

в тумане, такое случается сплошь и рядом — признаваться в этом, конечно, не следует, нужно прятать сомнения под искусным словесным покровом. Вы ведь вдумчиво изучили дело Беллингэма и взвесили все факты и противоречия, так к чему скромничать?

— Ладно, — сдался Джервис, в легком раздражении продолжая попыхивать трубкой, после чего выпустил колечко дыма и начал: — Джон Беллингэм вошел в некий дом, прислуга провела его в некую комнату и оставила там. Никто не видел, как он вышел оттуда, но, когда потом открыли комнату, она была пуста. Больше этого человека никто не встречал — ни живым, ни мертвым. Таинственно, спору нет.

Возникает ряд предположений. Первое: имярек остался жив в той комнате или, по крайней мере, в доме; второе: он умер естественной или насильственной смертью и его тело спрятали; третье: он выбрался из квартиры никем не замеченным.

Рассмотрим первый вариант. Все произошло около двух лет назад, и Беллингэму не удалось бы скрываться живым в доме в течение такого длительного времени — он ведь не иголка, его бы обнаружили, та же прислуга при уборке комнат.

— Мой ученый собрат, — со снисходительной улыбкой прервал Торндайк молодого коллегу, — ведет следствие с некоторым легкомыслием. Но допустим, что Беллингэм не остался в доме живым.

— Хорошо, тогда не остался ли он там мертвым? Определенно нет. В газетах писали, что, как только его хватились, Хёрст вместе с прислугой тщательно обыскал весь дом. Таким образом, не имелось ни времени, ни возможности спрятать труп. Отсюда единственное разумное заключение: тела в квартире не было. К тому же, если допустить убийство, — а сокрытие трупа ведет к такому выводу, — возникает вопрос: кто убил Беллингэма? Явно не прислуга. Что до Хёрста, мы не знаем, каковы были его отношения с пропавшим родственником, — мне, к примеру, это неизвестно.

— Мне тоже, — кивнул Торндайк. — Кроме газетных сообщений и рассказа Барклея мы не располагаем никакими сведениями.

— Вот-вот. Вероятно, у Хёрста имелись основания для расправы над двоюродным братом, но как это доказать? И, главное, у него, по-моему, не было ни времени, ни возможности убить. Ему пришлось бы куда-то спрятать тело, а потом избавиться от него. Как вы себе это представляете? Ведь не зарыл же Хёрст мертвеца в саду — в доме полно прислуги. Сжег? Но где? Единственный способ — расчленив труп и закопать фрагменты в разных укромных местах либо бросить в реку. Однако никаких останков за два года нигде не обнаружилось. Следовательно, у нас нет фактов, подтверждающих убийство в доме Хёрста. Эта версия исключается и тем тщательным осмотром, какой был произведен тотчас же, едва хватились потерявшегося египтолога.

Обратимся к третьему варианту: не покинул ли Беллингэм квартиру Хёрста тайком? Такие внезапные порывы свойственны импульсивным эксцентрикам. Но обладал ли интересующий нас джентльмен подобными качествами? Мы не уверены. К тому же миновали два года, а он так и не объявился. Если он тихоньку удрал из дому, то где-то прячется до сих пор. Зачем и от кого? Разве что он не в своем уме? На этот счет у нас тоже нет ни малейших данных.

Дело осложняет скарабей, найденный в усадьбе Годфри Беллингэма в Вудфорде. Значит, египтолог точно побывал там. Но к кому первому: Хёрсту или своему родному брату — он заезжал? Если скарабей находился при нем, когда он прибыл в Элтем, значит, Джон Беллингэм выскользнул из дома Хёрста незамеченным и отправился в Вудфорд. Но если скарабея не было, то ученый, по всей вероятности, поехал из Вудфорда в Элтем и пропал. Экономка Хёрста, вроде бы, не помнит, был при госте скарабей или нет. Как же поступить? Если бы мы рискнули выдвинуть обвинение в убийстве, — необдуманное, конечно, — то сочли бы более правдоподобным, что сначала Беллингэм посетил Хёрста, а потом своего родного брата, ибо так проще отделаться от тела. Никто не видел, когда мистер Джон входил в усадьбу, а если и проник, то через заднюю калитку, которая ведет к зданию библиотеки — флигелю в стороне от дома. Отсюда гипотеза: расправившись с братом,

Годфри мог спрятать труп — времени ему хватало, а посторонних свидетелей не было. Заметьте, в доме Годфри никаких розысков не производили ни по горячим следам, ни впоследствии. Одним словом, если бы мы доказали, что исчезнувший господин покинул квартиру Хёрста живым и скарабей висел у него на цепочке, для Беллингэма дело приняло бы дурной оборот, как и для его дочери, — она наверняка пособничала бы отцу, решился он на убийство. Но вот в чем загвоздка! Нет никаких свидетельств, что пострадавший вышел от Хёрста живым, в противном случае... ну вот, мы опять пошли по замкнутому кругу! Какую гипотезу ни прими, все они ведут в тупик.

— Вы мастерски изложили дело, дорогой друг, — резюмировал Торндайк, — только концовка прихрамывает.

— Чего же вы хотите? — посетовал Джервис. — Гипотез много, но какая из них верна? Понятия не имею, потому и «хромаю». Пока мы не узнаем подробности о заинтересованных сторонах, финансовых и прочих замешанных тут интересах, мы не продвинемся ни на шаг.

— Тут я с вами не согласен, — возразил Торндайк. — По моему, данных у нас достаточно. Вы говорите, нельзя решить, какая версия справедлива. Однако если внимательно и вдумчиво прочесть отчет, становится ясно: все известные на данный момент факты ведут к одному и тому же объяснению. Я не претендую на его безошибочность — сейчас мы обсуждаем дело чисто теоретически, и я утверждаю: собранные нами сведения позволяют сделать определенный вывод. Вы хотите что-то сказать, Барклей?

— Да, я вынужден вас покинуть. Вечерний прием начинается в полседьмого.

— Понятно, — кивнул Торндайк. — Что ж, не будем отвлекать вас от служебных обязанностей, но непременно заходите к нам, когда хотите, как только закончите работу. Вы нам несколько не мешаете, даже если мы будем заняты, а после восьми часов мы обычно свободны.

Я от души поблагодарил доктора Торндайка за радушный прием и приглашение и, попрощавшись с ним и Джервисом, отправился в амбулаторию.

ГЛАВА 4

Юридическая путаница

Задумавшись, я не заметил, как сделал большой крюк и опоздал на десять минут. Я ускорил шаг и с озабоченным хмурым лицом, будто только что от тяжелобольного, вбежал в дверь. Меня дожидалась всего одна пациентка, которая небрежно поздоровалась и недовольно произнесла:

— Ну наконец-то вы пожаловали!

— Да, мисс Оман, простите за опоздание. Чем могу служить?

— Ничем, — последовал ответ, — я наблюдаюсь не у вас, а у женщины-врача. Но я принесла вам письмо от мистера Беллингэма. Вот, возьмите. — И она сунула мне в руку конверт.

Я быстро пробежал листок глазами. Мой пациент писал, что провел две бессонные ночи и беспокойный день. «Не пропишете ли вы мне лекарство, чтобы я заснул?» — спрашивал он.

Я на минуту замешкался. Мы, врачи, неохотно назначаем пациентам снотворное, но бессонница всегда мучительна, и я решил отступить от правил и пока ограничиться небольшой дозой брома, а потом посмотреть, не нужны ли больному более сильные успокоительные средства.

— Пусть примет вот это лекарство, мисс Оман, — подал я ей пузырек, — а попозже я зайду к вам на дом.

— Он обрадуется, — закивала женщина. — Сегодня он в одиночестве; мисс Беллингэм отлучилась, и состояние у старика совсем подавленное. Но должна предупредить: он весьма стеснен в средствах. Извините, что заговорила об этом.

— Напротив, спасибо вам, мисс Оман, — ответил я. — Я зайду просто поговорить с ним.

— Милости просим, вы, я вижу, человек участливый, хоть и непунктуальный. — И, отпустив эту шпильку, мисс Оман заторопилась к выходу.

В половине девятого я поднялся по массивной темной лестнице дома вслед за мисс Оман, которая указывала мне дорогу. Мистер Беллингэм только что отобедал и сидел в кресле,

сгорбившись и устремив мрачный взор на пустой камин. Когда я вошел, лицо его посветлело, но было заметно, что настроение у него неважное.

— Очень рад вас видеть, — сказал он, — хотя мне неловко беспокоить вас и отвлекать от вечернего отдыха.

— Помилуйте, какое беспокойство?! Я узнал, что вы коротаете нынешний вечер в одиночестве, вот и зашел немного поболтать с вами.

— Как вы любезны! — воскликнул он. — Вот только боюсь разочаровать вас. Человек, всецело занятый своими, да вдобавок неприятными делами, как собеседник обычно малоинтересен.

— Может, я мешаю, вам хочется побыть одному? Скажите прямо, — внезапно спохватился я, что явился не вовремя.

— Мне вы нисколько не мешаете, — рассмеялся он, — скорее, это я рискую наскучить вам до смерти, но если вы не возражаете, я хотел бы обсудить с вами кое-какие свои трудности.

— Я к вашим услугам, отбросьте все сомнения. Опыт другого человека всегда ценен, каким бы горьким он ни был. Помните мудрость? «Хочешь лучше узнать людей, изучай их!» Для нас, врачей, это особенно важно.

— Так я для вас вроде микроба? — усмехнулся Годфри Беллингэм. — Извольте; если желаете посмотреть на меня в микроскоп, я заберусь под стекло и сделаюсь покорным объектом ваших наблюдений. Правда, мое поведение вряд ли обеспечит вам достойный материал для психологических изысканий. Моя роль в основном пассивная, а *Deus ex machina*¹ — мой несчастный брат. Да-да, именно он из своей неведомой могилы управляет всеми нитями этой адской кукольной комедии.

Он умолк и некоторое время смотрел на камин, словно позабыв о моем присутствии, потом бросил на меня отстраненный взгляд и продолжал:

— Прелюбопытная история, доктор, ничего не скажешь. Себедину ее вы слышали или читали о ней в газетах. А сейчас я расскажу вам все с самого начала, чтобы вы знали столько же,

¹ Бог из машины (*лат.*), то есть неожиданная развязка сложной ситуации с помощью внешнего фактора.

сколько и я. Что касается концовки, она неведома никому. Без сомнения, она написана в Книге судеб, однако эта страница еще не перевернута.

Начало всех бедствий — смерть моего отца, сельского священника-вдовца со скромным достатком и двумя детьми: Джоном, моим братом, и мной. Отцу как-то удалось пристроить нас обоих в Оксфорд. По окончании курса Джон поступил в министерство иностранных дел, а мне предназначалось духовное поприще. Но очень скоро я понял, что мои религиозные убеждения настолько изменились, что я не могу принять сан. Примерно в это время наш отец получил довольно неплохое наследство и вознамерился поровну поделить все свое имущество между братом и мною, поэтому я не особенно переживал, что у меня нет определенной профессии, которая обеспечивала бы кусок хлеба. У меня вспыхнула страсть к археологии, и я решил посвятить себя любимому занятию. В этом я следовал семейной традиции: мой отец увлекался историей Древнего Востока, а Джон, как вам известно, был видным египтологом.

Спустя какое-то время отец внезапно скончался, не оставив завещания. Он давно собирался написать его, но все откладывал. Состояние его заключалось в основном в недвижности, и мой старший брат унаследовал его почти целиком. Из уважения к известной ему воле отца Джон назначил мне ежегодную ренту в пятьсот фунтов стерлингов, что составляло около четверти его годового дохода. Я просил, чтобы брат сразу отчислил всю причитающуюся мне сумму целиком, но он отказался и отдал распоряжение своему поверенному выплачивать мне ренту поквартально до своей смерти. Джон обещал, что после его кончины имение перейдет ко мне, а если я умру раньше, то к моей дочери Руфи. Потом, как вам известно, мой брат внезапно исчез. Все обстоятельства указывают на то, что его уже нет в живых, поэтому его поверенный, мистер Джеллико, приостановил выплату моей ренты. Но никаких конкретных доказательств гибели Джона не существует, и завещание не может вступить в силу.

— А что за обстоятельства свидетельствуют о смерти вашего брата? — спросил я мистера Годфри.

— Он пропал в одночасье и бесследно. Его багаж нашли нетронутым на вокзале, вас это не удивляет? Кроме того, Джон получал жалование от министерства иностранных дел, за которым приезжал лично, а если находился за границей, обязательно телеграфировал о себе, что жив и здоров. Брат слыл аккуратным и всегда являлся за деньгами в установленный срок или отправлял с необходимыми документами своего поверенного Джеллико. Но с момента таинственного исчезновения Джон ни разу не был на службе и не подавал никаких признаков жизни.

— Да, вы в незавидном положении, — посетовал я, — но почему бы вам не добиться в суде признания факта смерти? Тогда и завещание вступит в силу.

Мистер Беллингэм изменился в лице.

— Видите ли, — опустил он глаза, — мистер Джеллико, выждав некоторое время, не отыщется ли Джон, пригласил меня и других заинтересованных лиц к себе в контору ознакомить с завещанием. Меня оно как громом поразило, хотя брат, похоже, считал свои распоряжения правильными и само собой разумеющимися.

— А что не так? — полюбопытствовал я в недоумении.

— Джон все запутал и сам создал препятствия к исполнению своей воли. Мы происходим из старинной лондонской семьи. Дом на Куин-сквер, где жил брат и где размещалась его коллекция древностей, принадлежал нашему роду на протяжении многих поколений. Почти все Беллингэмы упокоились на кладбище Святого Георгия в Блумсбери. Джон — он, кстати, холостяк — чтит семейные традиции и оговорил в завещании, чтобы его погребли на том же кладбище рядом с предками или в пределах прихода церкви Святого Эгидия на Полях. Но вместо того чтобы просто поручить душеприказчикам выполнить его волю, он сделал этот пункт условием, от которого зависит все остальное.

— Что именно?

— Все свое состояние он завещал мне, а если я умру раньше, то моей дочери Руфи, но при одном условии: его должны похоронить там, где он пожелал. В противном случае основная часть его имущества отойдет к нашему двоюродному брату Хёрсту.

— Выходит, ни один из вас не получит наследство, поскольку тело вашего брата не обнаружено, — сказал я с грустной улыбкой.

— Ошибаетесь, — возразил Годфри. — Если Джон умер, то для всех очевидно, что его воля не выполнена: он не погребен ни на кладбище Святого Георгия, ни в приходе церкви Святого Эгидия. Это легко доказать по метрическим книгам. Значит, как только признают факт его смерти, почти всем его состоянием завладеет Хёрст.

— А кто душеприказчики?

— В том-то и загвоздка! — вскричал Беллингэм. — Их двое: один — Джеллико, а другой — главный наследник, то есть или Хёрст, или я — в зависимости от обстоятельств. До тех пор пока суд не решит, кто из нас законный наследник, ни я, ни мой кузен не считаемся душеприказчиками.

— Кто же тогда обратится в суд? Ведь это прерогатива душеприказчиков?

— В тот день, когда вы впервые зашли ко мне, мы с Хёрстом горячо обсуждали этот вопрос. Джеллико не желает действовать в одиночку, но в данный момент никто не имеет полномочий второго душеприказчика. Все зависит от того, как развернутся события и кому из нас — мне или Хёрсту — выпадет эта роль.

— Непростая ситуация, — покачал я головой.

— Еще бы! Вот почему двоюродный братец предложил мне сделку. Поскольку воля Джона относительно его погребения не выполнена (юридически это не оспоришь), то все состояние должно перейти к Хёрсту. Если я поддержу его и Джеллико в их ходатайстве о признании факта смерти и помогу им привести завещание в исполнение, то он, Хёрст, до конца моих дней обязуется выплачивать мне по четыреста фунтов в год. Причем данное соглашение не будет иметь обратной силы.

— Как это понимать?

— Если когда-нибудь тело Джона найдут и мы похороним его там, где он завещал, Хёрст тем не менее удержит все унаследованное имущество, а мне продолжит выплачивать условленную ренту.

— Черт возьми! — воскликнул я. — У вашего кузена губа не дура!

— Да, но он готов был делиться: четыреста фунтов в год пожизненно причитались бы мне.

— Так вы отклонили этот жест щедрости?

— Да, категорически, и дочь меня поддержала. Но я не уверен, что поступил правильно. Надо сто раз подумать, прежде чем сжигать свои корабли.

— Вы обсуждали эту проблему с мистером Джеллико?

— Мы побеседовали сегодня, но он очень осторожный человек и не советует мне ни того, ни другого. Я убежден, что он не одобряет мой отказ. По его мнению, синица в руках лучше журавля в небе, особенно если журавля даже не видно среди облаков.

— Джеллико вправе обратиться в суд без вашего разрешения?

— Уверяет, что нет, но мне кажется, если Хёрст начнет настаивать, то принудит его. Кроме того, мой кузен в качестве заинтересованной стороны может сам подать в суд, особенно после моего отказа. Таково мнение мистера Джеллико.

— Как все запутано! — поразился я. — Неужели поверенный вашего брата не объяснил ему, что он нелепо составил свое завещание?

— По его словам, он делал это неоднократно, даже умолял Джона написать завещание в другой форме. Но брат и слушать не захотел. Иногда бедняга бывал очень упрямым.

— А сейчас еще не поздно принять условия Хёрста?

— Я не хочу менять свое решение, и дело не только в моей вспыльчивости. Меня сердит и даже оскорбляет такая сделка. Между прочим, в последний раз Джона видели живым именно в квартире Хёрста. Впрочем, мне неловко озадачивать вас своими неурядицами и портить вам настроение, ведь вы пришли с дружеским визитом. Но я заранее предупредил вас обо всем.

— Честное слово, я заинтригован вашим делом, — признался я, ничуть не кривя душой.

— Моим делом? — усмехнулся Беллингэм. — Вы рассуждаете так, словно я — редкостный экземпляр умалишенного преступника.

— Я рассматриваю вас как главное лицо странной драмы, причем не я один. Может, вы помните, я говорил вам о докторе Торндайке?

— Конечно, помню.

— Сегодня я его встретил и взял на себя смелость упомянуть о нашем с вами знакомстве. По-вашему, я поступил неправильно?

— О нет! Почему бы вам не поделиться с ним? А он что, тоже помнит всю эту адскую историю?

— Да, во всех подробностях. Он энтузиаст и чрезвычайно интересуется тем, как продвигается ваш процесс. Могу ли я с вашего разрешения передать ему то, что вы мне сейчас сообщили? Для него важна данная информация.

Мистер Беллингэм призадумался, устремив взор на пустой камин. Потом быстро взглянул на меня и ответил:

— Делайте, как угодно. Это не тайна. Да будь и тайна, я ведь не единственный ее хранитель. Расскажите мистеру Торндайку все, что он пожелает услышать.

— Не беспокойтесь, он не нарушит вашу тайну, — заверил я мистера Годфри. — Он молчалив, как устрица. Но изложенные вами факты весьма ценны для него — в конце концов, он сформулирует для вас полезные указания.

— Я не собираюсь на дармовщину пользоваться его искусством, — с раздражением поджал губы мистер Беллингэм. — Я не из тех, кто попрошайничает ради того, чтоб получить чей-то совет, пусть даже самый профессиональный. Примите это к сведению, доктор.

— Конечно, я совсем не хотел вас обидеть... — забормотал я смущенно. — Не вернулась ли мисс Беллингэм? — поспешил я сменить тему. — Я слышал, как хлопнула парадная дверь.

— Да, похоже, это Руфь, но куда вы так торопитесь? Неужели вы ее боитесь? — усмехнулся он, увидев, как я поспешно хватаю шляпу.

Я не успел ответить, потому что в ту же секунду в комнату вошла дочь Беллингэма. Даже в своем поношенном темном платье и с потертым ридикюлем в руке выглядела она эффектно.

— Мисс Беллингэм, — обратился я, — мы немного поговорили с вашим батюшкой, но, кажется, я утомил его, он уже начал зевать; однако мне пора. Впрочем, светская беседа — хорошее средство от бессонницы, — добавил я в заключение.

— Мне неловко, — улыбнулась она, — словно я вас прогоняю.

— Всего нет, — заверил я. — Моя миссия окончена.

— Присядьте-ка на минутку, доктор, — попросил мистер Беллингэм, — и пусть Руфь приготовит лекарство. Она обидится, если вы убежите вот так сразу.

— Но из-за меня вы поздно ляжете спать, — попытался я оправдаться.

— Не беспокойтесь, я дам вам знать, когда захочу спать.

Я задержался и не пожалел об этом. Вскоре в комнату вошла мисс Оман с подносом; на ее лице сияла такая добрая улыбка, какую я от нее никак не ожидал.

— Выпейте какао, пока горячее, дорогая, и съешьте гренки, — ласково сказала она Руфи.

— Хорошо, Филлис, благодарю, — кивнула девушка, — только сниму шляпу.

Когда мисс Беллингэм уселась за свой скромный ужин, отец задал ей странный вопрос:

— Ты что-то сильно припозднилась, детка. Цари-пастухи доставили тебе много хлопот?

— Нет, — помотала она головой, — я решила нынче же закончить с ними, поэтому по пути домой зашла в библиотеку на Ормонд-стрит. — Она заметила мой изумленный взгляд и тихо рассмеялась: — Папа, мы не должны говорить загадками при докторе Барклее. Отец интересуется моей работой, — пояснила она мне.

— Видите ли, доктор, — объявил мистер Беллингэм, — Руфь — литературный сыщик.

— Не называй меня так, — запротестовала девушка, — это напоминает сыщиков из полиции. Я же — исследователь.

— Ладно, исследователь или исследовательница — как угодно. Руфь готовит библиографию для авторов будущих книг или статей. Она просматривает всю литературу по какой-то

СОДЕРЖАНИЕ

Око Озириса

Перевод с англ. Бориса Акимова 5

Глава 1. Исчезнувший человек 5

Глава 2. Подслушанный разговор 10

Глава 3. Джон Торндайк 17

Глава 4. Юридическая путаница 25

Глава 5. Неожиданная находка 34

Глава 6. Экскурс в египтологию 40

Глава 7. Завещание 49

Глава 8. Идиллия в музее 59

Глава 9. Сфинкс из Линкольнс-Инна 66

Глава 10. Новый союз 76

Глава 11. Блуждание в потемках 85

Глава 12. В поисках истины 92

Глава 13. Допрос у коронера 100

Глава 14. Что решил суд 107

Глава 15. Косвенные данные 117

Глава 16. Прощай, Артемидор! 119

Глава 17. Палец-обвинитель 126

Глава 18. Джон Беллингэм 135

Глава 19. В гостях у мистера Джеллико 149

Глава 20. Время ушло 162

Красный отпечаток большого пальца

Перевод с англ. Петра Моисеева 173

Глава 1. Мой ученый собрат 173

Глава 2. Подозреваемый 178

Глава 3. Леди в деле 186

Глава 4. Доверительные беседы 198

Глава 5. Пальцеграф 210

Глава 6. Линия обвинения 218

Глава 7. Подводные камни и зыбучие пески 228

Глава 8. Несчастный случай.....	235
Глава 9. Заключенный	242
Глава 10. Неразрешимая задача	251
Глава 11. На волосок от смерти	260
Глава 12. Обратный путь	275
Глава 13. Убийство по почте	284
Глава 14. Поразительное открытие	296
Глава 15. Свидетельские показания.....	307
Глава 16. Торндайк разыгрывает карту.....	334
Глава 17. Печали и радости.....	358

Літературно-художнє видання

Серія «Золоте століття детектива»

ФРИМЕН Річард Остін

Око Озіріа

(російською мовою)

Роман

Составитель *О. А. Дидикина*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*

Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Комп'ютерна верстка *Н. А. Кочетова*

Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 28.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідчення ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Золотой век детектива»

ФРИМЕН Ричард Остин

Око Озириса

Роман

Составитель *О. А. Дыдыкина*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Компьютерная верстка *Н. А. Кочетова*

Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 28.01.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Люди не умирают без причины. Особенно известны археологи. Доктор Торндайк, непревзойденный детектив, уверенный, что за исчезновением знаменитого британского знатка старожитностей мистера Джона Беллингэма кто-то стоит. Напередодни археолог вернулся из Египта. И не с порожними руками. Беллингэм привез с собой дуже цінну колекцію артефактів, серед яких була й древня мумія. І незабаром зник... Що це? Дія прокляття фараонів чи банальна людська жадібність? Детектив не вірить у випадковості й починає небезпечно розслідування, яке приводить до абсолютно несподіваної розв'язки...

Фрмен Р. О.

Ф88 Око Озириса / Ричард Остин Фрмен ; пер. с англ. Б. Акимов («Око Озириса»), П. Моисеев («Красный отпечаток большого пальца»). — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 368 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-6289-8

Люди не исчезают просто так. Особенно известные археологи. Сыщик доктор Торндайк уверен, что за исчезновением знаменитого британского знатока древностей мистера Джона Беллингэма кто-то стоит. Накануне археолог вернулся из Египта. И не с пустыми руками. Беллингэм привез с собой очень ценную коллекцию артефактов, среди которых были древняя мумия. И вскоре исчез... Что это? Действие проклятия фараонов или банальная человеческая алчность? Доктор Торндайк не верит в случайности и начинает опасное расследование, которое приводит к совершенно неожиданной развязке...

УДК 821.111(73)